

ЮБИЛЕЙ

В последний раз, когда мы говорили с Михаилом Козаковым в декабре 2003-го, он сказал: "Я сейчас один. И Новый год буду встречать один. Для творчества нужно одиночество". Теперь, накануне 70-летия Михаила Михайловича, я в его новой однокомнатной квартире. Он знакомит меня со своей новой подругой, которую нежно зовет Викуска. И мне кажется, Козаков помолодел. Мы говорим обо всем, над чем задумывается человек, оставаясь "наедине с собой": о возрасте, о славе, о любви, о деньгах, о смысле жизни, об алкоголе, о смерти...

"Интервью 70-летнего человека" — выносит приговор Козаков в один из грустных моментов нашей беседы. А уже через время, хитро улыбаясь, произносит: "Иногда мне 35, иногда — 120, а иногда — я совсем ребенок". Все правда, главное — с какой стороны посмотреть. "Будь я в другом настроении, в моих ответах могло бы быть больше отчаяния или больше легкости, но я бы рассказал все то же самое..."

— Я могу понять: юбилей театра. Или юбилей Окуджавы: Окуджава был знаковой фигурой. Он был как Высоцкий, Бродский — "больше, чем поэт". И то, я знаю, Булат палец о палец не ударил ради своего юбилея. Просто волна любви создала ему юбилей, когда ему было 70. Я же не олицетворяю собой никакой театр, хотя работаю в "Моссовете". Мы 20 октября, а не в мой день рождения, соберемся за кулисами — кто играет — и выпьем по рюмке водки. Я знаю, что кое-что сделал за 50 лет. По каналу "Культура" покажут одну из моих последних работ — "Медная бабушка". Я занимался ею 30 лет назад. Ее тогда закрыли. Но вот мечта свершилась, и я поставил пьесу. Это и есть день рождения.

ТЕЛЕФОННЫЙ ЗВОНОК.
"Да откуда я знаю, почему они все передачи к моему юбилею после часа ночи показывают? Вот мою "Медную бабушку" посмотри. Это стоит того".

— Могут подумать: "Вот, жалуются". Да ни черта я не жалуясь. Я просто пытаюсь понять, что происходит. Я много езжу, читаю по всем городам и всяким сложным стихам, вот в Норильск полечу... Спрос есть. Похвастаюсь. Везет меня тут простой мужик. Узнал, несмотря на большие изменения во внешности (я с седой бородой), говорит: "Товарищ Козаков, я вас уважаю, но знаете, чего больше всего люблю?" Я думаю, скажет: "Человек-амфибия" или в крайнем случае "Покровские ворота". А он: "Больше всего мне нравится, как вы стихи читаете — Пушкина..." Или — мне глаза оперировали, и санитарка пожилая говорит: "Ой, вы знаете, когда вы стихи читаете — мы слушаем!" Я подумал про себя: "О, Миша! Вода камень точит: не зря я, как городской сумасшедший, всю жизнь читаю стихи и люблю это. Пушкин для меня после Христа — второй человек. Но тот — Богочеловек, а этот — человек от Бога". Я далек от мысли, что вся страна так относится к моему чтению, но если попадают такие люди... Значит, не зря все это. И живу не зря.

У меня ведь нет другой жизни, кроме моего труда. Я не содержу рестораны, не заседаю в Думе. Я рассуждаю как артист. Вы можете себе представить Ахматову, заседающую рядом с Жириновским? Если бы вдруг вы узнали, что я решил баллотироваться от Пензенской области, — это было бы странно. Или вы бы узнали, что я хозяин ресторана "Очи черные", — разве это не странно?..

Я не хочу быть воспринят как человек, недовольный своей жизнью. Есть много радостных вещей. Вот я люблю эту однокомнатную квартиру. Я рад, что у меня есть близкие, друзья. Что все бывшие жены и дети здоровы. В этой квартире есть все, что мне надо: музыка, книги, фотографии друзей. Я живу в этом

своем мире, и для меня эти фотографии — живые. Я с ними внутренне связан. Мне это помогает сохранять чувство, что все эти люди со мной, даже если многих нет на свете... Человеку много-то не надо на самом деле. Я даже думаю, скажи мне: "А хочешь пятикомнатную квартиру или... виллу?" Я отвечу: "А что я буду там делать? Ходить из угла в угол или с этажа на этаж? Зачем?" Я все равно никуда не денусь от того, на чем был воспитан. Допустим, бывал я у Дмитрия Дмитриевича Шостаковича. У него дача под Ленинградом. Государственная. По тем временам хорошая считалась. Одноэтажная. Но ведь эта дача пришла к Шостаковичу сама. Он же ничего не делал специально, чтобы купить. Если бы ему сказали: "Поступись творчеством — и получишь дачу, схалтурь", — он не стал бы это делать...

ТЕЛЕФОННЫЙ ЗВОНОК.
"Да, в КГБ мне дали задание соблазнить одну американку. А я влюбился и переспать не смог... При чем здесь актер? Я человек!"

— И чем сейчас занят неудавшийся агент КГБ?

— По-прежнему: читаю стихи, пробую петь, короля Лира играю. Книгу новую пишу — "Живая галерея". Это портреты Гафта, Гердта, Янковского, Марчелло Мastroяни, Роберта Де Ниро, с которыми

ли бы сама Алла Борисовна, как корабль, вплыла... А я еду нормально: лицо не подставляю.

— Не страшно после взрывов?
— Жизнь человека сегодня ничего не стоит... И не только из-за террористов. Можешь просто идти, пристанут: "Эй, дед, дай закурить" (а я трубку курю), — и врежут ни за что. Вот что страшно... Мир лихорадит. Ощущение, что земля под ногами горит. Живем все-таки в России. Но я никогда не говорю: "Эта страна". Это — наша страна. Моя!..

— Люди пишут завещания...
— И я написал. У меня даже юридически все составлено. Не потому, что я распоряжаюсь: кому ложку, кому вилку. Но есть какие-то желания, связанные с моими представлениями о том, где я хочу быть похоронен. Не хочется об этом говорить, но — с отцом. Не хочу никаких общественных проявлений: посмотрелся на похоронах на фальшь. Указал, кто душеприказчик, как поступить с моими дневниками. Я написал. Нотариус запечатал. Никто не читал. Это мое личное дело.

— Как воспринимаете свой возраст?
— Иногда я чувствую себя ребенком. Иногда чувствую, что прожил уже много жизней. Мне повезло: я играл Гамлета, Фауста, Лира... Это все (если ты играешь, если ты сам серьезно к этому относишься) начинается на тебя влиять. И думаешь: "Эй, ведь ты же эти слова говоришь со сцены? Так ты им и в жизни соответствуй!" Вся система Станиславского, если хотите, — система оправдания нашей весьма сомнительной профессии. Если ты в молодости выходишь покрасоваться — смотрите, какой я красивый, талантливый, сексуальный! — это проституция. Это — грех. Если же ты, грубо говоря, санитар Бога — тогда все можно!

Актер — профессия зависимая. Одно из несчастий: что дадут, как велят... Я был бы глубоко несчастным, если бы я был только актером. Не хочу сказать, что все у меня светло, гармонично. Депрессии бывают отчаянные.

— Что думаете о славе? Вот Андрей Болконский готов был все за нее отдать.

— Да, когда в небо смотрел. Ну, а потом-то он к другому приходит, за что я и люблю Толстого. У меня такого не было. Когда у меня бывал удачный концерт (я стихи читал), я думал: "Вот! Отслужил свою мессу". Это потрясающе. На сцене такое режэ бывает. Могу сказать: "У меня были такие секунды, когда думал: вот сейчас я живу, а до этого и после этого — ерунда". Все остальное получится, если найти главное.

Мне повезло. Я очень рано почувствовал, что такое быть популярным. Еще не зная моей фамилии, мне шептали вслед: "Вон, смотри, идет тот, который играет в "Убийстве на улице Данте". Это очень здорово, что я "съел" эту "популярку" в 21 год. И понял: не в этом суть! Так смешно бывает, когда молодые актеры балдеют от того, что им выстилают ковровые дорожки, а они каких-нибудь бандитов сыграли.

...Сегодня у меня с утра была съемка, и я почувствовал: "Нет, Миша, надо тебе пойти в бассейн, 1000 метров своих проплыть". И правильно сделал. А в другой день могу сказать: "Нет, не мучай себя сегодня: полежи, закройся одеялом, включи музыку...". ТВ я смотрю редко. Газеты, извините, я запретил себе читать. Не потому, что ругаю их. Это засасывает. Я и про себя не читаю. Расскажут. В театре повесят — приду прочитаю. В молодости иначе: бежал за газетами, если знал, что про меня пишут. И читал не только из тщеславия. Раньше газетная публикация — это было серьезно: тебя могли закрыть или вознести. А сегодня дикое количество газет. Кто их читает? Лучше толстые книги. Я их читаю постоянно. Иногда по две книги сразу. Жизнь к концу, а столько не прочитано — вот еще в чем грусть-тоска. Я не понимаю людей, которые говорят: "Мне скучно жить". Трудно — да. Даже трагично порой. А вот "скучно" — скучно не бывает. Бывает так грустно, что и жить не хочется.

ТЕЛЕФОННЫЙ ЗВОНОК.
"Да, Натусик. Довлатова книгу обязательно привези. Что буду делать 14-го? Спрячусь, водку буду пить! Не-е-ет. На три дня меня не хватит, а вот 15-го заезжай. Опохмелки справим..."

— Вопрос об алкоголе — один из сложнейших. Я пишу в новой книге главу такую: секс, любовь, алкоголь, деньги, власть. Пытаюсь сам разобраться в этом. Деньги и власть — самое (для меня лично) простое. А вот секс, любовь, алкоголь — загадочные вещи. Нет тут одного ответа: истина в вине или гибель? Шутка старая: "Пить или не пить?" — но она как гамлетовский вопрос для меня.

— А что вы скажете о женщинах?
— Отвечу цитатой из Толстого: "Я о женщинах тогда всю правду скажу, когда лягу в гроб. Подниму крышку, скажу — и закроюсь!" Я даже думаю, что о любви я все в тайных дневниках обрешу. Пусть они лежат и лежат. А лет через тридцать, если кому-нибудь будет интересно, — пусть прочтут. И то — только близкие.

— Вам Вика помогла период одиночества закончить?

— После того, как мы с Анечкой (последняя жена. — Е.Д.) решили, что будем жить врозь, прошло несколько месяцев, и мы познакомились с Викторией. Бог свел. У меня в детстве няня была — баба Катя из деревни, — и я сказал себе: "Няня "там" попросила за меня, помолилась, чтобы у меня под старость добрый человек был рядом". И вот сбылось.

— Вы когда-нибудь задавали себе вопрос, Моцарт вы или Сальери?

— С Моцартом сравнивать себя смешно. Он гений. А с Сальери... Во мне и тени зависти нет. Если даже человек мне неприятен, но сделал талантливую вещь, я восхищаюсь. Я думаю: "О, е-мое, я должен его поздравить!" Я воспеваю в себе это. Пример. У нас с актрисой Ольгой Яковлевой не лучшие отношения. И вот она написала книгу. Когда я прочитал изумительные главы об Анатолии Васильевиче Эфросе (лучше о нем никто не сумел написать), захотелось сказать ей: "Это так здорово!" И какое тогда имеет значение, как она описала там мою с ней пьяную ссору в ресторане ВТО? Жить от очарования до разочарования — это нормальный ход жизни.

Елена ДОБРЮХА.

ДУБЛЬ 70

Михаил КОЗАКОВ:
"Всю правду о женщинах напишу только в тайных дневниках"

меня свела судьба. Будет там и разговор о Шекспире, о людях, которые его играли. В том числе мой автопортрет.

— Не хочется повторить за Екклезиастом: "Все суета сует, и нет пользы человеку от трудов его под солнцем"?

— Книга Екклезиаста — гениальное сочинение. В каком-то смысле и правда все "суета сует". Но есть и другой взгляд: делай, что тебе велит долг, а там будь что будет... Ты — как пустой сосуд, а уж если в тебя что-то налили, береги это содержание и приумножай, обрабатывай и тихо радуйся, что налили, что ты не пустой. Самое дорогое, за что я благодарен Богу, — что я еще хочу что-то делать. Вот как надо рассуждать, а не думать: сколько мне за это дадут, какие звания или крестики повесят, или в каких глянцевах журналах мою роху напечатать.

Далек от мысли, что "душа в заветной лире мой прах переживет и тленья убежит". Но мне не безразлично, чтобы (если мир будет вертеться) мой правнук взял книжку или посмотрел на видике что-то такое, что его прадед наляпал, и — радость вдруг получил. И, не зная меня, узнал меня, и ему не было бы стыдно. Вот хотя бы так, а не то что "слух обо мне пройдет по всей Руси великой"... Смерть — это тоже часть жизни. И как это ни трудно, но можно и нужно учиться умирать. Что будет после смерти? (Замолкает, потом смеясь говорит: "Посмотрим!") А если даже ничего — знаете, мне и такая мысль приходила, это плохая фраза для христианина, которым я себя почитаю. Но если даже ничего — тьма, безверие, — то пока я был жив, Бог тоже был жив — во мне... Все суета сует? А вы знаете, иногда приходят и эти мысли в голову. Трудиться — а это не показывают, и все вроде впусую... Замечательный эпизод: пришел некто к Мандельштаму и вдруг видит, как Мандельштам с лестницы почти сталкивает какого-то господина и кричит ему: "А Будду печатали?! А Христа печатали?!" И смешно, и — потрясающе.

— Вы в метро ездите?

— Да, конечно, это мой любимый вид транспорта, самый точный.

— И никто внимания не обращает?

— Бывает, люди посмотрят. Потом поглядят, как одет: ничего особого. В лучшем случае подумают: он или не он? Может, если бы Киркоров, с его двухметровым ростом и красным шарфом, вошел — на него бы кинулись. Или ес-

Даже играя злодеев, Козаков притягивал женщин.

"Я старый солдат и не знаю слов любви".

Кадр из фильма "Маня Жизели".

ГЕННАДИЙ АБРАМЕНКО

СЕРГЕЙ СЕМЕНОВ